

Уголовное преследование гомосексуалов в СССР (1946–1991):

цифры и дискурсы¹

Владимир Володин

Написание истории гомосексуальности часто превращается в написание истории гомофобии. Источники по уголовному преследованию гомосексуалов во многих случаях являются относительно легкодоступными и достаточно многочисленными, чтобы именно с них начинать изучение истории гомосексуальности того или иного периода в той или иной стране Европы. Таким образом, и моё исследование истории гомосексуальности в Беларуси второй половины XX века не могло избежать изучения и интерпретации источников по уголовному преследованию мужчин (и, изредка, женщин), практиковавших однополый секс. Во время исследований в архивах я понял, что ранее были опубликованы либо примерные оценки количества осуждённых в СССР по статье “мужеложство”, либо сведения о точном количестве осуждённых за отдельные годы (преимущественно 1960-1970-е), но полная статистика в открытых источниках отсутствовала. Таким образом, я решил найти более или менее точные цифры и предать их огласке. Также я хотел бы поделиться своими соображениями о текстах, опубликованных специалистами-правоведами или криминалистами в брежневские годы. Поскольку тема уже обсуждалась мной ранее в других публикациях [Володин 2016: 13-34; Валодзін 2016], здесь я сконцентрируюсь на цифрах и текстах, не упомянутых в предыдущей публикации.

Также я не буду делать экскурс в историю криминализации “мужеложства”² в Российской империи, его декриминализации во время Великой российской революции 1917 года и рекриминализации во время “сталинского термидора” в 1933–1934 годах. Эта история подробно описана Дэном Хили [Хили 2008].

1 Автор высказывает свою признательность Ире Ролдугиной, которая предоставила данные из документов Государственного архива Российской Федерации.

Эта статья была подготовлена и прочитана как доклад на конференции “Communist Homosexuality” (Париж, февраль 2017 г.) на английском языке. Публикация на английском языке в сборнике материалов конференции должна произойти в обозримом будущем. Перевод на русский язык был сделан для того, чтобы прочесть доклад на фестивале квир-истории “Дотык” (Минск, апрель 2018 г.). Несмотря на попытки властей сорвать проведение фестиваля, доклад был прочитан, хотя и для гораздо меньшей аудитории, чем планировалось.

2 В этом тексте употребляется термин “мужеложство”. Под ним в уголовном законодательстве Российской империи, СССР, а теперь России и Беларуси подразумевался и подразумевается анальный секс между мужчинами (другие виды секса между мужчинами, как правило, “мужеложством” не назывались). Термин употребляется здесь, потому что эквивалентов (синонимов) ему нет. Чтобы дистанцироваться от гомофобного словаря, термин взят в кавычки.

Уголовное законодательство СССР и гомосексуалы

В разных республиках бывшего СССР действовали разные уголовные кодексы. Хотя различия между ними были малозначительны, всё-таки эти различия существовали. Возьмём БССР как пример.

Соответствующая статья (235-1) была введена в уголовный кодекс Белорусской ССР 30 апреля 1934 года. Вот её текст:

Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) влечёт – лишение свободы на срок от трёх до пяти лет.

Мужеложство, совершённое с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, влечёт – лишение свободы на срок от пяти до восьми лет.

[Уголовный кодекс 1949: 42].

В 1960 и 1961 годах во всех союзных республиках вступили в силу новые уголовные кодексы. В Уголовном кодексе БССР, который начал действовать 1 апреля 1961 года, статья имела другой номер и изменённую формулировку. Также был отменён нижний предел наказания:

Статья 119. Мужеложство

Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Мужеложство, совершённое с применением физического насилия, угроз или в отношении несовершеннолетнего, либо с использованием зависимого положения потерпевшего, – наказывается лишением свободы на срок до восьми лет” [Уголовный кодекс 1965: 56].

Соответствующие статьи Уголовного кодекса РСФСР носили номер 154а (по 1960 год) и 121 (с 1961 года).

Советские криминалисты спорили, каким был возраст согласия – 18 или 16 лет (на сегодня в Беларуси – 16 лет). Не было прописано законодательно, но имелось в виду, что по этой статье мог караться только анальный секс (coitus per anum) между мужчинами. Взаимная мастурбация и оральный секс были номинально легальными.

В разных республиках СССР санкция могла быть разной. Так, в Эстонской ССР статья 118 предусматривала по первой части лишение свободы до 2 лет, а по второй части – лишение свободы от 2 до 6 лет со ссылкой или без ссылки до 3 лет [Veisprak 1991: 111].

Количество осуждённых в СССР за “мужеложство”

Как известно, в СССР большая часть статистики была секретной. Это касалось и уголовной статистики. Опубликованных данных об абсолютном количестве наказанных в БССР до недавнего времени не было, но цензура позволила озвучить, что в 1961-1973 годах судимость по статье 119 в БССР составляла от 0,02% до 0,7% от числа осуждённых за преступления против личности [Горелик, Тишкевич 1976: 14].

Кажется, впервые (в абсолютных числах) статистика осуждений в СССР по статье “мужеложство” была опубликована Тиитом Вейспаком в 1991 году. Эта статистика касалась только Эстонии, была только за 1960-1989 годы и происходила из архива Министерства юстиции Эстонской Республики [Veisprak 1991: 112].

В книге Дэна Хили “Гомосексуальное влечение в революционной России” есть небольшое приложение под названием “Сколько всего жертв закона против мужеложства?” [Хили 2008: 311-316]. В этом приложении исследователь приводит архивные статистические сведения о количестве осуждённых по статье “мужеложство” в РСФСР за 1935-1950 годы (эти сведения отрывочные, неполные) и о количестве осуждённых по статье “мужеложство” в СССР и РСФСР за 1961-1981 годы. Дэн Хили преимущественно пользовался статистикой Министерства юстиции СССР.

Пользуясь ссылками Дэна Хили [Хили 2008: 316] на фонды Государственного архива Российской Федерации (в дальнейшем – ГАРФ), получилось найти статистику о количестве осуждённых в СССР в целом и в каждой из союзных республик по отдельности с 1946 по 1991 год. В дополнение к этому, данные по Беларуси за 1946–1960 годы были сверены с данными из документов Министерства юстиции БССР, хранящимися в Национальном архиве Республики Беларусь (в дальнейшем – НАРБ). Уголовная статистика в НАРБе была рассекречена только по 1960 год.

Сведения о количестве осуждённых по разным статьям уголовного кодекса можно получить из заполненных форм №10 (по 1960 год) и №10а (с 1961 года). В этих формах, которые печатались в Москве и были идентичны для всего СССР, была отдельная графа для статьи 154а Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других республик. В отчётах по форме №10 можно увидеть, как много людей было осуждено (или оправдано, или дела в отношении них прекращены) по той или иной статье в той или иной республике. Более того, в форме №10 есть сведения о приговорах, социальном положении, поле и возрасте осуждённых и месте совершения “преступления” (город или деревня). Сведения за 1961–1991 годы были взяты из документов по форме №10а. В этих документах нет информации о месте

“преступления” (город/деревня), назначенном наказании, возрасте “преступников” и их социальном происхождении.

Из разделённой по гендеру статистики видно, что иногда за “мужеложство” осуждались женщины. Например, в 1951 году по этой статье в СССР были осуждены 2 женщины [ГАРФ, ф. 9492, оп. 3, д. 111, л. 40]. В 1955 году 1 женщина была осуждена в Украине [ГАРФ, ф. 9492, оп. 3, д. 185, л. 12]. Поскольку нами не были найдены более подробные сведения о частных случаях, можно только строить догадки о возможных причинах преследования. Одна из возможностей состоит в том, что женщин могли преследовать как “соучастниц преступлений”.

В статистике не проводится различие между людьми, осуждёнными по первой и второй частям статьи 154а (позже – 121) Уголовного кодекса РСФСР (другими словами, между сексом между взрослыми по взаимному согласию с одной стороны, и однополым изнасилованием и сексом с несовершеннолетними с другой). По моим предположениям, приблизительное соотношение составляет 50/50, но оно могло существенно отличаться в разные периоды и в разных регионах.

Статистика осуждений за “мужеложство” в СССР в целом с 1961 по 1991 год была опубликована мной ранее, вместе со статистикой по России, Украине, Беларуси, Литве и Молдове [Володин 2016: 29-32], но статистика по всем союзным республикам ранее не публиковалась.

Из данных, приведённых в таблице 1, очевидно, что были общесоюзные тренды по количеству осуждённых, но в некоторых советских республиках в отдельные годы были довольно значительные отклонения от этих трендов. По всей видимости, количество осуждённых зависело от отношения республиканских министерств внутренних дел, прокуратур, КГБ и, возможно, партийных органов.

Доступная статистика сообщает, что в 1940-е годы и в начале 1950-х годов было гораздо меньше осуждённых за “мужеложство”, чем позднее. Однако, нужно учитывать, что в это количество не включены осуждённые судами ГУЛАГа (которые были отделены от судов министерства юстиции), военными трибуналами и внесудебными органами (тесно связанными с органами госбезопасности и партией).

Можно заметить существенный рост количества осуждённых, начиная с 1957 года. В брежневские годы количество осуждённых продолжало расти, дойдя до 1355 человек в 1974 году. Количество осуждённых за “мужеложство” достигло пика в годы правления Андропова, Черненко и первые годы Горбачёва у власти, с абсолютным максимумом в 1985 году – 1620 человек. Интересно, что в годы горбачёвской

“перестройки” количество осуждённых уменьшалось далеко не сразу и далеко не так быстро, как можно было бы ожидать, исходя из демократической риторики той эпохи. Инерция в полиции, прокуратуре и судах была достаточно большой, чтобы продолжать осуждать по статье “мужеложство” даже за считанные месяцы до её отмены.

В некоторые годы количество осуждённых существенно возрастало, но уже на следующий год спадало. Вероятно, это явилось результатом организованных облав на гомосексуалов. К сожалению, в большинстве случаев мы пока не можем соотнести такие облавы с директивными документами министерства внутренних дел или компартии. Но то, что такие документы существовали, не вызывает сомнений. Например, в 1958 году МВД РСФСР выпустило специальное указание о борьбе с “мужеложством”, после чего выросло количество заключённых, привлечённых к ответственности по этой статье [Healey 2018: 42-43].³

Общее количество приговоров по статье “мужеложство” составляет больше 38.000 за 45 с половиной лет. Поскольку эта статистика за вторую половину 1940-х – начало 1950-х не полная, к этой цифре стоит добавить “не менее чем”, чтобы подчеркнуть, что точное количество остаётся неизвестным. Кроме того, у нас нет сколько-нибудь полных сведений за 1930-е годы.

Преследовали ли женщин за однополую любовь?

Известно, что женщин в СССР преследовали за “сращение неполовозрелых” одного с ними пола (как показал Дэн Хили, 17-летние девушки считались “не достигшими половой зрелости”) [Хили 2008: 271–273]. Но тут речь пойдёт об отношениях между взрослыми.

Ранее я писал о том, как юристы и криминалисты из СССР относились к гомосексуалам [Володин 2016: 15–21]. Если пересказать вкратце, было несколько либерально настроенных юристов (например, Павел Осипов и Алексей Игнатов) и других специалистов (например, социолог Игорь Кон), которые в 1970-е годы высказывались за декриминализацию секса между мужчинами по взаимному согласию. Однако большинство экспертов (особенно связанных с министерством внутренних дел) настаивало на необходимости преследовать “непреемлемый вид морального разложения” [De Jong 1982]. Большинство экспертов не упоминало о возможности уголовного преследования женщин.

³ К сожалению, из документов не ясно, касалась ли директива только мест заключения, или распространялась на всю РСФСР.

Я хотел бы сосредоточить внимание на одном случае, описание которого я встретил в книге Бориса Даниэльбека “Половые извращения и уголовная ответственность” [Даниэльбек 1972]. Книга, написанная доктором юридических наук, была адресована слушателям и курсантам средних и высших учебных заведений Министерства внутренних дел СССР (будущим полицейским) и работникам того же министерства (действующим полицейским).

Обычно карательные органы СССР имели дело с мужской гомосексуальностью, которую преследовали как “мужеложство”. Но Б. Даниэльбек уделил 5 страниц своей книги (с. 103-108) также и женской гомосексуальности (“трибадии”). Даниэльбек предупреждал: “Отсутствие в действиях лиц, занимающихся трибадией, состава преступления по нашему уголовному законодательству вовсе не означает, что к этому пороку следует относиться безразлично. Сафизм, как правило, является следствием глубокого морального разложения или психопатии, поэтому со всеми его проявлениями необходимо вести борьбу путём общественного воздействия, проведения психотерапевтических мероприятий и т. п.” [Даниэльбек 1972: 104].

Таким образом, вот случай с самоубийством 19-летней Г. из Тбилиси.

В полицию (“милицию”) поступили сведения, что в одной квартире “систематически собираются женщины и предаются лесбийской любви”. Хозяйкой квартиры была В., “жена торгового работника”. Расследование показало, что квартиру посещали 7-8 женщин, которые вступали в интимные отношения, но хозяйка не получала от этого никакой материальной выгоды. Довольно часто она сама покупала еду и напитки для гостей. Полицейские заключили, что состава “притоносодержательства” не было, и потому закрыли уголовное дело.

Тем не менее, в качестве “прифилактической меры” отчим 19-летней Г. был приглашён в полицейский участок, где ему рассказали, что Г. посещала квартиру и была вовлечена в “трибадию” её 24-летней подругой У. Отчим решил насильно выдать Г. замуж, что и было сделано. Во время первой брачной ночи Г. совершила самоубийство, выбросившись из окна.

Как показало последующее расследование, Г. росла тихим, послушным ребёнком, имела хорошие отметки в школе, но всегда избегала мальчиков. По окончании школы она начала работать секретарём в учреждении, где познакомилась с У., которая работала там же бухгалтером. Г. часто оставалась на ночь у подруги, и вскоре была соблазнена. У. побывала замужем, но после одного месяца совместной жизни оставила мужа из-за отвращения к сексу с мужчинами. Коллеги по учреждению

знали о любовной связи между У. и Г., но не придавали ей значения. Даниэльбек отмечает:

“Почти каждый взрослый человек знает о таком извращении, как мужеложство, но далеко не все осведомлены о лесбийской любви. Объясняется это не только малой распространённостью трибадии, но и пренебрежением к половому просвещению девушек. Совершенно очевидно, что если бы подобную “влюблённость” заметили у двух мужчин, это насторожило бы сослуживцев. Такие же отношения женщин прошли мимо внимания общественности, своевременное вмешательство которой могло бы предотвратить дальнейшее развитие “дружбы” между ними и, следовательно, столь трагический исход” [Даниэльбек 1972: 105].

Таким образом, Даниэльбек снимает ответственность за смерть молодой женщины с полицейских, её отчима и мужа, и утверждает, что источник проблемы – в равнодушии её коллег к лесбийской любви и неправильном воспитании.

Далее Даниэльбек продолжает обсуждать однополые отношения между женщинами, цитируя таких авторов, как Огюст Форель, Вильгельм Штекель и даже Ги де Мопассан. Что более важно, он приводит пространные цитаты из работы кандидата медицинский наук Э. М. Рахимова “К вопросу о половых извращениях в детских исправительно-воспитательных учреждениях МВД” (Москва, 1952); сама работа Рахимова пока остаётся недоступна.

Тбилисский случай повторно был разобран Алексеем Игнатовым в его книге “Квалификация половых преступлений” [Игнатов 1974]. В других отношениях Игнатов известен как либерал. Например, в той же самой книге он выступал за декриминализацию добровольных половых отношений между взрослыми мужчинами.

Но в этом случае, настаивал Игнатов, полиция Тбилиси должна была преследовать в уголовном порядке хозяйку квартиры, где собирались Г., У. и другие женщины [Игнатов 1974: 241–242]. Статья 226 Уголовного кодекса РСФСР (1960 года) понималась разными юристами по-разному. Статья называлась “Содержание притонов и сводничество” и включала “содержание притонов разврата” как одну из составляющих. Игнатов подчеркивал, что когда разговор идёт о “притонах”, “извращенцев” также нужно принять во внимание: “В современных условиях следует дать более широкое определение притона разврата как помещения, систематически предоставляемого различным лицам для удовлетворения половой потребности как в

естественной, так и в извращённой форме” [Игнатов 1974: 238–239]. Игнатов считал, что хозяйка (хозяин) квартиры, в которой собираются люди с целью заняться сексом, должна быть наказана независимо от того, заплатили ли ей (ему) за это.

“Общественная опасность содержания притона разврата заключается не столько в том, что содержатель получает материальную выгоду, сколько в том, что создаются условия для массового разврата, беспорядочого полового общения, подрывающих основы социалистической нравственности. Содержание притонов разврата ведёт к деморализации молодёжи (особенно женщин) и нередко непосредственно связано с проституцией.

В ряде случаев создания притонов разврата, в которые вовлекаются много лиц, содержатель не преследует корыстной цели, не стремится к извлечению материальной выгоды, а желает участвовать в организованном массовом разврате. Öffentlich опасный характер действий содержателя притона не меняется в зависимости от того, каким мотивом руководствовался виновный в своём поведении”.

[Игнатов 1974: 241]

В соответствии с уровнем официального ханжества в СССР, Игнатов также настаивал на наказании хозяев мест, где встречались для занятия сексом гетеросексуалы. “Содержание притонов” каралось лишением свободы на срок до пяти лет.

Через эту историю можно увидеть один из возможных механизмов полицейского притеснения или даже уголовного преследования лесбиянок в СССР. Совершенно очевидно, что в СССР возможности гомосексуальных женщин и мужчин общаться и найти безопасное место для секса были чрезвычайно ограничены. Небольшие собрания на частных квартирах были одним из немногих доступных вариантов. Но хозяева таких квартир попадали под опасность уголовного преследования.

Конечно, когда сейчас мы читаем об этом случае, мы задаёмся вопросом: почему два мужчины, отчим Г. и её муж, не преследовались за доведение молодой женщины до самоубийства? Также, вероятно, её мужа нужно было судить за изнасилование.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года включал статью 107 “Доведение до самоубийства”. Как мы видим, статья бездействовала, когда гомосексуальных людей

доводили до самоубийства их родственники или другие члены общества. К сожалению, до сих пор в некоторых местах Восточной Европы ситуация выглядит весьма похоже.

Заключительные соображения

Как мы увидели из статистики и представленного выше индивидуального случая, уголовное преследование гомосексуалов в СССР велось также и в отношении женщин (хотя женщины и становились его жертвами гораздо реже мужчин). Но даже в тех случаях, когда полиция не выставляла формальные обвинения, она всё равно врывается в частную жизнь лесбиянок. Это добавляет больше деталей к предложенному Артюром Клешем пониманию общих субъектностей гомосексуальных женщин и мужчин [Clech 2017]. Раньше среди учёных и активисток, которые исследовали судьбу гомосексуалов в СССР существовало представление, что гомосексуальные мужчины жили под угрозой уголовного преследования, а гомосексуальные женщины – под угрозой психиатрического “лечения” [Гессен 1994; Essig 1999; Стелла 2014]. Теперь мы можем всё яснее и яснее видеть, что чёткого разграничения между мужчинами (которые были криминализованы) и женщинами (которые были патологизированы) не было, поскольку мужчин также отправляли в психиатрические больницы [см., напр., Косарев 1967], а женщины не были защищены от уголовного преследования или других притеснений со стороны полиции.

Декриминализация гомосексуального поведения произошла в бывших союзных республиках уже после распада СССР (в России в 1993 году, в Беларуси в 1994 году, в Грузии в 2000 году и т. д.). К сожалению, декриминализация произошла не во всех 15 странах (Узбекистан и Туркменистан продолжают преследовать мужчин за однополые отношения). Декриминализация не привела к каким-либо официальным извинениям.

Очевидно, что жертвы гомофобного закона должны быть реабилитированы и получить компенсацию за годы, проведённые в тюрьме за их “преступления”, как это произошло недавно в Германии. К сожалению, современный политический режим в Беларуси, с его гомофобными замашками, оставляет мало надежды в этом отношении. В России ситуация гораздо хуже. (Я не буду распространяться здесь о положении в Грузии, которое мне незнакомо). Тем не менее, когда мы публикуем документы о количестве осуждённых, мы держим стратегическую цель реабилитации в уме.

Библиография

Clech 2017 – Arthur Clech, “Des subjectivités homosexuelles dans une URSS multinationale”, *Le Mouvement social*, 3/2017, p. 91-110.

De Jong 1982 – Ben De Jong, “‘An Intolerable Kind of Moral Degeneration’: Homosexuality in the Soviet Union”, *Review of Socialist Law*, 1982, vol. 8, issue 1, p. 341-357.

Essig 1999 – Laurie Essig, *Queer in Russia. A Story of Sex, Self and the Other*, Durham and London, 1999.

Healey 2018 – Dan Healey, *Russian Homophobia from Stalin to Sochi*, London, 2018.

Veispak 1991 – Teet Veispak, “Homosexuality in Estonia in the 20th Century: Ideological and Juridical Aspects”, *Sexual Minorities and Society: the Changing Attitudes toward Homosexuality in the 20th Century Europe. Papers presented to the international conference in Tallinn May 28-30, 1990*, ed. by Udo Parikas and Teet Veispak, Tallinn, 1991, p. 105-114.

Валодзін 2016 – Уладзімір Валодзін, “Крымінальны пераслед мужчын-гомасэксуалаў у БССР: невядомыя статыстычныя дадзеныя з архіўных крыніц”, *Białoruskie Zeszyty Historyczne = Беларускі гістарычны зборнік*, 2016, №46, с. 78-102.

Володин 2016 – Владимир Володин и др., *Квир-история Беларуси второй половины XX века: попытка приближения*, Минск, 2016. Публикация доступна в сети: https://belarusianqueerstory.noblogs.org/files/2016/08/queer_by_ru.pdf

Гессен 1994 – Маша Гессен, *Права гомосексуалов и лесбиянок в Российской Федерации: Отчёт Международной комиссии по правам человека для гомосексуалов и лесбиянок*. Сан-Франциско, 1994.

Горелик и Тишкевич 1976 – Иосиф Горелик, Иван Тишкевич. *Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного Суда БССР*, Минск, 1976.

Даниэльбек 1972 – Борис Даниэльбек, *Половые извращения и уголовная ответственность: Учебное пособие*, Волгоград, 1972.

Игнатов 1974 – Алексей Игнатов, *Квалификация половых преступлений*, Москва, 1974.

Косарев 1967 – В. Косарев, “К вопросу о судебно-психиатрическом значении гомосексуализма”, *Актуальные вопросы сексопатологии. Труды Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР*, том 51, Москва, 1967, с. 292-300.

Стелла 2014 – Франческа Стелла, “Исследование жизни лесбиянок в советский период: поколенческий подход”, в: Кондаков А. А. (ред.-сост.), *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований*, Санкт-Петербург, 2014, с. 231-248.

Уголовный кодекс 1949 – Уголовный кодекс Белорусской ССР. Официальный текст с изменениями на 1 декабря 1948 г. и приложением постатейно-систематизированных материалов / Министерство юстиции БССР. Минск, 1949.

Уголовный кодекс 1965 — Уголовный кодекс Белорусской ССР. Официальный текст с изменениями на 1 октября 1965 г. и с приложением постатейно систематизированных материалов / Юридическая комиссия при Совете Министров БССР. Минск, 1965.

Хили 2008 – Дан Хили, *Гомосексуальное влечение в революционной России: Регулирование сексуально-гендерного диссидентства* / Пер. с англ., Москва, 2008.